

ЦВЕТ ПОЛЕВОЙ.

I

Личная жизнь у Николая Васильевича не сложилась. Карьера не сложилась тоже. По крайней мере, все так считали: в таком-то возрасте быть всего-навсего инженером по эксплуатации приборов, то есть, попросту говоря, обеспечивать работу научных сотрудников. Те проводят исследования, защищают диссертации, делают доклады, ездят за границу, а он обслуживает приборы. Потому что если их не обслуживать, то надо на помойку выкинуть. Многие и так надо выкинуть, на Западе давно уже на таких не работают. Ну, на Западе не работают, а у нас работают, мало ли что там на Западе. У нас свои порядки... И главное ведь способный человек. Один раз, можно сказать, походя, такое предложение сделал, в смысле усовершенствования кой- чего, что заведующий отделом аж ахнул. "Это так гениально просто! Надо обязательно развить, внедрить. Давай, Николай Васильевич, мы тебе поможем, включим в план. Из этого может выйти серьезная работа, изобретение, диссертация..." И Николай Васильевич загорелся. Две ночи плохо спал: пытался продумать - как развить, как внедрить. А придя на работу, почувствовал себя как бы руководителем нового направления. И научным сотрудникам, тем, кому раньше приборы чинил, стал давать указания: это надо подсчитать, то надо проверить. А они ему: нет уж, извини, ты изобрел - ты и развивай, ты предложил - ты и внедряй, а у нас свои дела. И Николай Васильевич скис. Понял, что ничего кроме мороки изобретение это ему не сулит, только переругаешься со всеми. Да и есть ли изобретение-то? Так - пустячок. Жили как- то без него, глядишь, и еще проживем. А заведующий, хоть и ахнул, но тут же укатил в Голландию. На три месяца. А когда вернулся, то про изобретение не сразу и вспомнил. А когда вспомнил и узнал, что дело не продвинулось, не очень и переживал. "Ну, что же, если ему больше нравится провода паять, - дело хозяйское". А ему не так чтобы это уж очень нравилось, но и отвращения тоже не вызывало. Да и не в проводах

дело. Просто все это получалось у него без особых усилий - руки заняты, тело в работе, а голова свободна. Свободна от чего? А черт ее знает от чего. Свободна - и все. Ну, хоть от мыслей о том, как развить, как внедрить и кому все это нужно. Голова свободна, душа спокойна, что еще нужно? Ну, раз так, тогда, действительно, - дело хозяйское. "Николай Васильевич, посмотри, пожалуйста, почему эта кнопка не работает. Вчера работала, а сегодня не работает. Я вроде к ней не прикасался". "Сейчас посмотрим". А душа, говорю, спокойна: не будет же она из-за кнопок переживать.

Кстати, о диссертации. Когда помоложе был, неоднократно о ней подумывал. Почему не защитится? Все кругом защищаются. Вот Рудольф Валентинович такой болван, а ничего - кандидат и уже за докторскую принялся. Что же я - хуже? Ничуть. И за темой дело не станет. Оптимизация чего-нибудь там... Чем не тема? А эксплуатацию приборов - на второй план. Поэксплуатировал - и будет. Пусть молодые подключаются. А то они только с этажа на этаж бегают и на конференциях важничают, а как кнопка не работает, так сразу - пас. Все разумно. Все верно. И всякий это поймет и поддержит.

Было только одно "но" - кандидатские экзамены. На них-то, проклятых, и застопорилось. С английским Николай Васильевич всегда был не в ладах, не шло это у него. Руками, кажется, все мог сделать, а с языком - не шло, что тут поделаешь? Старался. Учебник достал, на курсы записался. Все без толку. Фильм пошел смотреть детективный, без перевода. Не понял: ни кто убил, ни кого убили. Хоть плачь. С философией и историей партии - не лучше. Что первичное, что вторичное, еще кое-как выучить можно. Но вот: на первом съезде, на втором, на двадцать втором... На апрельском тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года пленуме постановили... Что? Господи, да кто же это запомнит! И мысли о диссертации постепенно растаяли. Об изобретении - тоже. А неработающих кнопок всегда хоть отбавляй. Вот Николай Васильевич и стал человеком, про которого говорили, что не сложилось у него ни то, ни другое. Могло бы, кажется, сложиться, а не сложилось.

Сам-то он так не считал. Он приходил на работу вовремя, дел у него было достаточно, скучать и маяться некогда, а это, в конце концов, самое главное. Со всеми он был приветлив, и хоть дел было много, но свойства они были такого, что, в сущности, могли и подождать. Так что если разговорчик какой-нибудь возникал симпатичный или анекдотик кто-нибудь приносил свеженький, то пару-тройку часов всегда можно было выкроить. А там, глядишь, пора и домой. Очень даже все и складно. Конечно, если назад оглянуться или начать слишком пристально в будущее вглядываться... Но ведь известно, что делать это не надо.

По дороге домой, а жил Николай Васильевич на Ордынке, он иногда заходил в церковь.

Всякий человек знает, что когда тело умирает, все кончается. Но придумана, сказка, что есть царство небесное, где все продолжается и нет чепухи, что нас окружает, а есть красота и жизнь вечная. И человечество так полюбило эту сказку, так она ему пришлась по нутру, что живет с ней уже сколько столетий и играет в нее увлеченно, лучше, чем в любую правду.

Николай Васильевич был неверующий, но в церковь ходить любил.

Поначалу он думал, что верит во что-то, но потом почитал кой-какие книжки и понял, что, к сожалению, это не так. В книжках разъяснялось, что верующий тот, кто верит, что Христос родился при царе Ироде, был распят, воскрес на третий день и являлся ученикам и Марии Магдалине. И что это очень важно, что именно при Ироде, а не при Нероне или Марке Аврелии ; и что именно на третий день, а не на второй или пятый. А если тебе это все кажется сомнительным или просто не очень существенным, то вере твоей - грош цена, и ты есть человек неверующий.

И все же, когда стоял среди икон и слушал пение, то казалось, что есть что-то иное, высшее, хотя, может быть, и не для него. Кругом все крестились, и он делал то же и

чувствовал при этом некое умиротворение. Душа, казалось, готова была воспарить, стоило только начать думать о прекрасном и ВЕЧНОМ, или, еще лучше, не думать совсем и дать Богу, если он есть, войти в тебя как в полый сосуд. А вместо этого в голову лезла какая-то ерунда, что, мол, надо было зеленый проводок к средней клемме припаять, а совсем не к крайней. Конечно - неверующий.

Священник же говорил красиво и неубедительно про жизнь вечную, что дана нам за мучения Христовы. А Николай Васильевич думал. "Ой ли, может ли это быть, чтобы один пострадал, а другого наградили, справедливо ли это? И нужна ли она, жизнь вечная; с этой-то не знаешь, что делать." А потом дьякон начинал бормотать монотонно и неразборчиво, но некоторые слова были Николаю Васильевичу знакомы, и он мог различить в невнятной скороговорке, что "дни человека, как трава, как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер - и нет его, и место его не узнает его". "Вот это больше похоже на дело", - думал он и крестился.

11

В институте, где работал Николай Васильевич, появился новый сотрудник - аспирант Владимир Андреевич. Роста небольшого, круглолицый, розовощекий, волосы светлые, на косой пробор, движения быстрые и в то же время закругленные, короче говоря, ни дать ни взять - колобок. А Николай Васильевич, к слову сказать, был довольно высок, сутул, волосы темные с проседью, назад зачесаны, лицо узкое с большим носом, цвет лица неважнецкий, движения медлительные и угловатые. Так что, если сказочную аналогию продолжить, то походил, пожалуй, на грустного волка, эдакого волка-неудачника, если так можно сказать.

Колобка в Институте невзлюбили. Пошла молва, что "из молодых, да ранний", что "палец в рот не клади", "любит чужими руками жар загребать" и что вообще "далеко

пойдет". Николая Васильевича предупреждали, чтобы с ним поосторожнее: "А то этот быстро тебе работу найдет, и свободе твоей - конец, потом от него не отделаешься, у него - сразу видно - хватка железная, Сам не заметишь...". И так далее, и в таком же роде А Николай Васильевич возьми да с колобком и подружись. Случайно это получилось, сам не ожидал. Владимир Андреевич подошел к нему посоветоваться насчет какой-то схемы, сказал, что ни черта в ней не понимает Николай Васильевич задумался, сказал, что тоже ни черта не понимает, но можно попробовать разобраться. Слово за слово, встреча за встречей, и началась у них ну, "дружба", может, слишком сильно сказано, но, в общем, вполне приятельские отношения.

Они быстро перешли на "ты". Николаю Васильевичу, впрочем, почти все говорили "ты", и хотя был он человек беспартийный, обращались к нему именно как принято у партийцев: "Николай Васильевич, ты не посмотришь... что там с этой кнопкой". Владимир Андреевич же был и партийный, и активист, и все как положено, но его называли просто по имени, потому что еще молод (а за глаза - Колобком.) Николай Васильевич же добавлял и отчество, потому что не любил фамильярность.

Постепенно он пришел к выводу, что ничего плохого в Колобке нет. Ну, энергичный; ну, деловой; ну, хочет побыстрее защититься, достичь чего-то; ну, действительно, любит покомандовать, заставить других заниматься тем, что ему кажется важным. Так ли уж это плохо? Многие сотрудники не стараются ни достичь, ни заставить, а просто сидят в своих кабинетах и сосут пальцы. Разве же это лучше? А Колобок катается с этажа на этаж, со всеми общается, даже с теми, кто его совсем не обожает, всех старается вовлечь во что-то, и вообще, - человек приветливый, обходительный, смешливый. То и дело то тут, то там слышится его хохоток. Говорят, правда, что он у него какой-то деланный, ненатуральный, но ведь это так недоброжелатели говорят. Когда смеется, то смотрит прямо в глаза, как будто старается собеседника в свой смех вовлечь; а когда тот поддается, расслабляется, начинает хохотать, мотать головой, то обнаруживает на себе холодный испытующий

взгляд маленьких круглых глазок, без улыбки. Это Николай Васильевич тоже замечал. Владимир Андреевич быстро защитил кандидатскую диссертацию, принялся за докторскую, получил под свое начало небольшую группу, а с Николаем Васильевичем был по-прежнему приветлив и дружелюбен. Заходил время от времени в комнату, где тот сидел, приносил кой-какие журнальчики, рассказывал институтские новости, и не было случая, чтобы он попытался злоупотребить этим знакомством, заставить Николая Васильевича работать на себя. Так оно и шло... до поры до времени.

В один прекрасный день - было это летом, многие были в отпусках, и Николаю Васильевичу совсем уж нечего было делать - заходит к нему Владимир Андреевич и говорит:

- Слушай, Николай Васильевич, тебя предупреждали, что со мной надо ухо остро, что я люблю людей заставлять на себя работать?

- Ну, были такие разговоры.

- Так вот я и в самом деле хочу тебя поэксплуатировать. Как ты на это смотришь?

Ну, Николай Васильевич как на это мог смотреть? Стал, конечно, выяснять в чем дело, что за работа.

- Да работа-то несложная, но требует квалификации, как раз такой, которая у тебя есть.

Ну, прямо тебе скажу: дело несколько однообразное, нудноватое. Но ведь это в общем-то не на всю жизнь, только на время. Ну, и разумеется, я договорюсь с директором, чтобы ты занимался только этим, а от всей остальной работы, которой ты, как я вижу, сейчас завален...И Колобок захохотал, глядя Николаю Васильевичу прямо в глаза. Но Николай Васильевич этот его смех знал, отвечать на него не стал и сказал, что надо поподробнее ознакомиться, в чем там дело, что он собирался в отпуск, но с другой стороны...

-Ну, конечно, я тебе все подробно расскажу, спешки-то особой нет, -сказал Колобок и покатился куда-то дальше.

Нельзя сказать, чтобы разговор этот оставил Николая Васильевича безучастным. Напротив, он разнервничался больше, чем мог того ожидать: не любил Николай Васильевич изменений в жизни, никогда не любил, а уж в эти-то годы и подавно. Долго не мог заснуть. Не то чтобы размышлял, а как-то крутил в себе слова колобковые, и чем больше крутил, тем больше Колобок ему становился несимпатичен: и смех у него, действительно, какой-то ненатуральный, и насчет того, что делами завален, как-то бестактно брякнул, и, может, он вообще все эти годы изображал дружбу только ради того, чтобы в нужный момент использовать в своих целях. Понимал Николай Васильевич, что это глупо, но отделаться не мог. А под утро вот такое приснилось: окружили его сотрудники; ничего не говорят, только сверлят взглядами. "Ну что, старый дурак, доигрался? Мы же тебя предупреждали, что от него надо подальше держаться. Теперь попляшешь. Он тебя в бараний рог согнет. Кончилась твоя вольная жизнь. Будешь у него мальчиком на побегушках". Когда открыл глаза, они, конечно, исчезли, но тяжесть осталась. Знал, что надо отказаться, и понимал, что не сумеет. Мучительное было состояние.

Когда встал, умылся и попил кофейку - полегчало. "Да что это я себя так накрутил? Действительно, - старый дурак. Надо пойти, поговорить, вникнуть в предложение, по всей вероятности, отказаться - зачем мне это? Насильно-то ведь он заставить не может..."

На работу пришел уже в более спокойном настроении. Сел и стал ждать, когда Колобок придет. Час ждал, два, три - никто не приходит. Пошел спросить, где Владимир Андреевич. А ему говорят: "Владимир Андреевич сегодня в командировку уехал, разве он тебе не говорил?" - "Да, вроде, был какой-то разговор. А надолго?" "Да недели на три".

Ну, тут Николай Васильевич еще больше успокоился и повеселел. За три недели мало ли что произойти может. Глядишь, оно как-нибудь и само рассосется. А совсем успокоился, когда поговорил с одним старым приятелем, инженером, который его в свое время больше всех Колобком страдал. Признался, что хочет Колобок его втянуть во что-то, так и ждал,

что приятель скажет: "Я же предупреждал, я же предупреждал". А тот призадумался, покачал головой и говорит: "Черт его знает. Вообще-то он сейчас силу набирает. От него многое зависеть будет, а у тебя уже возраст пенсионный. Так что, может, и не стоит с ним ссориться". Потом усмехнулся и добавил: "Да что тебя учить, ты и сам дипломат". "С чего ты взял?" "Ну как же, раньше других сообразил, что с Колобком надо покороче сойтись". Вот так. Тут Николай Васильевич понял, что времена-то изменились, и близость с Колобком рассматривают как своего рода козырь, а про него думают, что он из дипломатических соображений... смех да и только.

Теперь Николая Васильевича стало беспокоить - не обиделся ли тогда Колобок. Ведь, можно сказать, в первый раз обратился с какой-то просьбой, а он так неохотно, так не приветливо... Вот и уехал почему-то не заглянув, не попрощавшись. Словом, опять беспокойство.

Недели через три Владимир Андреевич появился и слава Богу, никаких признаков обиды не проявил. Забежал к Николаю Васильевичу, как обычно, рассказал про свою командировку, про то, что в гостинице, где он жил, не было ни света, ни воды, а на работе - только воды. "Так что я понял, какая у нас здесь благодать". Поохотал и побежал дальше. Про новую работу - ни слова.

Кончилось тем, что Николай Васильевич сам к нему подошел и сказал: "Слушай, Владимир Андреевич, помнишь, ты обращался ко мне насчет какой-то работы, а теперь молчишь, забыл, что ли?" Владимир Андреевич взглянул на него очень даже зорко. "Да нет, я не забыл. Мне только показалось, что тебе этот разговор как-то неприятен был, поэтому я и решил его не продолжать. Только и всего". "Да нет, почему же неприятен? Я просто сказал, что хотел бы сначала разобраться, что к чему. Ты обещал мне тогда рассказать поподробнее".

- Ну, так в чем же проблема? - воскликнул Колобок. - Идем прямо к прибору. Я тебе на месте все и расскажу и покажу.

Читатель - если таковой найдется - извинит нас за некоторые технические детали: когда речь идет о научной работе, то обойтись без них совсем - трудно. Мы постараемся ограничиться самым необходимым.

Работа, к которой Колобок хотел привлечь Николая Васильевича, называлась "статистическая обработка электрофизиологического эксперимента". Выглядело это так: в небольшой комнате стояло несколько высоких металлических стоек, в которые были вставлены приборы; проводки от них тянулись к столику, на котором стоял большой осциллограф с пультом управления, а рядом, у окна, - магнитофон. На магнитофон были записаны результаты экспериментов, а приборы, в основном, представляли собой счетчики, многие из которых были самодельными. Кнопок, проводков и переключателей было столько, что на первый взгляд казалось невозможным в них разобраться. И тем не менее, агрегат этот, прозванный динозавром, честно выполнял свои функции.

Обработка эксперимента состояла в следующем: надо было в определенной последовательности нажать на несколько кнопок (не перепутать), после чего на экране осциллографа появлялся график с подъемами и спадами. Нажимая на другие кнопки, следовало обозначить стрелками места наибольших подъемов и спадов, зафиксировать эту картину и при помощи других кнопок отправить ее в шкафы - обсчитывать, усреднять, корректировать, придавать ей такой вид, чтобы не стыдно было показать на какой-нибудь научной конференции, сказав глубокомысленно, что "причина резкого спада в левой части графика остается пока для нас загадкой".

В каждом эксперименте было около двадцати графиков, так что описанную процедуру надо было столько же раз ежедневно и повторять. Работа, в общем, несложная. Любой лаборант мог бы с ней справиться, если бы не кнопки, которые, как им и положено, то и дело выходили из строя. Для этого-то собственно говоря, квалификация Николая Васильевича и требовалась.

Посидев несколько дней за прибором, Николай Васильевич понял, что никакой катастрофы в его жизни не произошло. Работа действительно нудноватая, но, с другой стороны, это как-никак участие в научном эксперименте, а не просто "посмотри, почему эта кнопка не работает".

Обработка одного графика занимала минут десять - пятнадцать, так что графиков шесть обработаешь - время идти чай пить, потом еще немножко - обед; после обеда, естественно, клонит ко сну - никто не препятствует: руки на кнопки положишь и подремлешь маленько; проснешься - еще штуки четыре обработаешь, остальное - на завтра. В общем жить можно.

Колобок был, видимо, так доволен что Николай Васильевич согласился, что ни только не давил, но, наоборот, все время похваливал. Забежит, посмотрит, как Николай Васильевич на кнопки нажимает, и скажет: "Здорово ты наловчился, виртуозно, прямо Рихтер". А тот и доволен.

Постепенно Николай Васильевич стал выполнять операции все быстрее и быстрее. С динозавровыми проводами освоился, и получилось опять как раньше - руки заняты, тело в работе, а голова свободна. И вот в свободную эту голову вошла свободная мысль, что не обязательно стрелки на графике самому расставлять, соображая каждый раз, где тут вершины и где спады. Мысль эта бродила где-то не спеша и без напряжения и в конце концов выкристаллизовалась в чертежик приборчика, который мог бы всю эту работу выполнять автоматически - и быстрее и точнее. Еще пара месяцев, и вот как-то Колобок заглянув к Николаю Васильевичу, да и глазам своим не поверил: "Слушай, не может быть! Ты это сам?! Да это так гениально просто! Это вполне можно оформить как изобретение, защитить как диссертацию. Хочешь, я поговорю с директором? Поставим в план..." "Нет, не хочу, - сказал Николай Васильевич, - мы это уже проходили". Так день за днем, месяц за месяцем, Николаю Васильевичу стало казаться, что он всю жизнь работает на динозавре. Уже, кажется, и не мыслил себя без этой маленькой комнаты с окном на гоголевский

бульвар (из окна не видна скамейка, на которой Николай Васильевич любил сидеть, но он знал, что до нее налево метров сто); без этих шкафов с проводами, приходившими ему на ум, стыдно сказать, когда стоял в церкви на Ордынке; без этих автоматически передвигающихся стрелок и, главное, без этих кнопок, которых сколько уж он на воем веку перечинил.

Общение с этими предметами вносило в его жизнь ритм, двигаясь в котором, душа обретала покой и невольно стремилась куда-то - может быть, в ту самую жизнь вечную, в которую он не верил. Он придвигал стул к осциллографу, включал прибор, смотрел некоторое время в окно, потом пальцы ложились на клавиши... первый аккорд и вот... лесная просека, между деревьями небо, в конце просеки овраг и поле; небо нахмурилось, дождь застучал по крышам, но можно войти в дом и обсохнуть у печи; липами запахло, а дождь уже кончился, и на небе - радуга; женщину на другом конце поля он не может разглядеть, но знает, что это мама, и что к ней можно бежать быстро-быстро, и она побежит навстречу; лесная просека...

111

Независимо от того, молод человек или стар, сложилась его жизнь или из нее ровным счетом ничего не получилось, время идет. И хотя Николай Васильевич был одним из старейших работников Института, пользовавшимся всеобщим уважением, вреда никому не причинявшим, а пользу иногда приносившим, все же при одном крупномасштабном сокращении ему дали понять, что годы есть годы, и "мы бы рады, но на нас давят сверху", и "конечно, лучше, если по собственному желанию", в общем -на пенсию.

Как ни странно, Николай Васильевич отнесся к этому довольно спокойно. Из-за мелких перемен в жизни нервничал ужасно, а с крупными справлялся сравнительно легко. За утром следует день, за летом - осень, что же с этим поделаешь? Немного, правда, заскучал, когда понял, что на работу больше ходить не нужно: привык все-таки за сорок с чем-то лет - это ясно. Но здесь подвернулось одно обстоятельство, которое многое определило.

Знакомый Николая Васильевича обратился к нему с просьбой насчет телевизора.

"Недавно купил, а он, собака, уже не работает. Такие деньги отдал! В гарантийку носил. Пока у них стоял - работал. А домой привез - первую программу берет, а остальные - ни в какую. Не посмотришь? Ты ведь наверное в этом разбираешься." Ну, Николай Васильевич, по чести сказать, в этом не очень разбирался, но посмотрел схему, почитал кое-что, поковырялся и телевизор починил. Знакомый остался очень доволен: "Сколько я тебе должен?" "Да перестань, о чем ты говоришь? Это же я так, для времяпрепровождения". "Ну, хорошо, а хочешь я тебе для времяпрепровождения клиентуру найду? У нас очень многие эти телевизоры закупили, и они ни у кого толком не работают". "Ну, что же, в принципе, я не против. Только без особых обязательств, время есть - посмотрю, а нет - нет". "Ну, это само собой разумеется. И если будешь соглашаться, не стесняйся с них брать как следует - люди, скажу тебе, в основном небедные". Так и пошло. Порекомендовали -одни, другие, третьи- и закрепились вскоре за Николаем Васильевичем репутация мастера очень добросовестного, много лет проработавшего в одном серьезном НИИ и лишнего не дерущего. И стал Николай Васильевич прямо-таки нарасхват. И когда на лето к родственникам в деревню уезжал, во многих московских домах перезванивались и говорили, что "обещал к пятнадцатому июля в Москве быть, а там - кто знает".

Так что с времяпрепровождением было все в порядке, с деньгами - более или менее - тоже, и если с чем было не в порядке, так это, смешно сказать, с чувствами.

Как хороши они в молодости; как таинственны, ароматны, переменчивы: как гибки, неожиданны, мечтательны, как они - вопреки жизни; как они - сама жизнь. И во что превращаются они с годами: застывшие и окостенелые, торчат где ни попадая, и душа, блуждая, натывается и ранится о них. Веселье неискренно, грусть утомительна, любовь нелепа. Вскипит ненависть и превратится в брюзжание, вспыхнет надежда и устыдится

своей неуместности. И только одна унылая мысль маячит: зачем присутствую, если уже не участвую? Но разве же это мысль?

Чтобы стряхнуть эту канитель, Николай Васильевич решил пройтись. Он вышел из метро "Кропоткинская" на Гоголевский бульвар, постоял, посмотрел на торговлю у выхода из метро, купил булочку с курагой, приценился к помидорам и пошел в Институт. Давно он уже туда не ходил, года два, с того дня, как ушел на пенсию, так и не ходил: сдерживало что-то, разбередить, что ль, чего-то боялся, черт его знает. А тут, оказавшись рядом, подумал: "Дай зайду", - и не испытал никакого волнения, переступил знакомый порог.

Поначалу Николаю Васильевичу показалось, что ничего внутри здания не изменилось: тот же вестибюль, коридор, табличка "лифт не работает", лестница, переход в другое здание. Потом, заглянув в несколько открытых дверей, увидел, что в лабораторных комнатах стоят новые столы, а на них - персональные компьютеры и еще какие-то приборы, которых в его время не было. Народу из-за отпускного периода - мало, и никто на Николая Васильевича особого внимания не обращает. Молодежь в основном: узнают, улыбнутся, кивнут и мимо идут. Все, вроде, знакомое, и в то же время уже совершенно чужое, даже странно.

Встретил, наконец, одного старого приятеля; разговорились: "Ну, как тут у вас?" "Да все нормально, без особых перемен. Ты, Николай Васильевич, по-моему, тогда напрасно поторопился. Кроме тебя никто и не ушел. Шума было много, а потом все вернулось на свои места". "Да я не жалею. Надо было когда-нибудь". "Это верно, я и сам подумываю". "А как Владимир Андреевич?" "Ну, этот процветает. Уже почти директор. Так ничего, деловой мужик. Ученый, конечно, - никакой, но как администратор, организатор - вполне на месте. Оборудования накупил: и осциллографы, и центрифуги, и компьютеры. Теперь из-за этих компьютеров все тут перегрызлись. А его самого-то мы уже и не видим почти.

Все бегают где-то, его и не поймаешь. Тут вот дело одно есть, оно ему нужно больше, чем мне, так я никак с ним поговорить не могу - занятой такой. Так что не знаю, сумеешь ли ты с ним повидаться, сомневаюсь". "Да мне это особенно и не к чему. Я так зашел, по дороге, можно сказать..."

Николай Васильевич сходил еще в отдел кадров, сделал там кой-какие дела и собрался двигаться к выходу, как вдруг на лестничной площадке услышал знакомый хохоток, и сам Владимир Андреевич ухватил его за локоть: "Ага, попался!"

В общем, что говорить, встреча эта была Николаю Васильевичу приятна. Колобок, кажется, на вид совершенно не переменялся - такой же розовощекий, круглолицый, веселый. Потасил Николая Васильевича за собой: "Пойдем, пойдем ко мне в кабинет. Ты знаешь, я же сейчас в директорском сижу, временно конечно". "Да мне неудобно, ты же такой занятой". "Да что там занятой! Что же я, для старого друга времени что ли не найду, за кого ты меня принимаешь? Им всем от меня только одно нужно - чтобы я бумажку подписал. У меня уже от этих бумажек рука отсохла! Ты же знаешь, я науку люблю... ха-ха-ха, а приходится черт знает чем заниматься. Вообще, докатился колобок. Ну, ничего, как-нибудь прорвемся".

Секретарше велел никого не пускать и чаю принести. "Или ты кофе предпочитаешь?" "Да нет, лучше чайку".

- Ну, расскажи - как ты? Я про тебя много слышал. Самый незаменимый в Москве человек. Гавриил Попов, потом - ты, ха-ха-ха. А серьезно - почему бы тебе не придти к нам поработать? На два-три месяца, сколько там разрешается? У нас тут сейчас много новой техники, есть вещи очень любопытные, тебе будет интересно. Решай. Ты знаешь, что от меня зависит, я все сделаю.

- Я знаю.

- Ну, так как?

- Ну, хорошо, спасибо, я подумаю немножко.

- Думай, думай, только не слишком долго. А то ты, я знаю, любишь долго размышлять
Пока я еще не на пенсии, ха-ха-ха.

Поговорили о старых знакомых: тот умер, а этот еще нет, тот на пенсии, а этот, наоборот, в гору идет, скоро, глядишь, академиком будет.

- Ты-то не собираешься?

- Да что ты, меня старики не пустят. Может, вот осенью попробую в член-корры подать, посмотрим, что получится.

- Слушай, Владимир Андреевич, а что с тем прибором стало, на котором я работал, и вообще, с работой этой?

- А чем ты последнее время занимался, я что-то и забыл уж?

- Ну, статистическая обработка, динозавр-то этот.

- Ах, господи, верно, верно. Выкинули его, списали куда-то. Сейчас все компьютеризировано. Ту работу, которую ты полдня делал, сейчас компьютер за три минуты выполняет. Он стоит там, в той комнате, где ты сидел. Очень симпатичная машинка, маленькая такая. Ты не заходил туда?

- Да я дернулся, но дверь была заперта.

- Ну, хочешь, сейчас вместе сходим? Или в другой раз?

- Давай в другой раз. Списали, значит, все. А как же мое усовершенствование?

- А ты что-то там усовершенствовал? Ах, да, помню, замечательная вещь. Ну что же, когда мы будем про тебя писать...

- Некролог, что ли?

- Ну, зачем некролог? Юбилей какой-нибудь отмечать. Напишем, что для своего времени это, можно сказать, было изобретение. Вообще, знаешь, жаль, что ты как-то не обобщил, не опубликовал...

Колобок продолжал говорить, а сам уже искал на столе какую-то бумажку и то и дело поглядывал на телефон. Николай Васильевич понял, что пора идти.

"Выкинули, значит, списали, все за три минуты делается. А как же?" Пальцы ложились на клавиши, и наплывало: лесная просека, овраг, радуга на небе, в конце поля...

Он вышел на улицу и неспеша двинулся к метро. Стоял мягкий августовский день. Не жаркий, а именно мягкий, под осень. Он решил зайти в булочную на углу Кропоткинской и Гоголевского бульвара, но она оказалась закрытой на обед. Он стоял у дверей булочной, раздумывая, сходить ли на Арбат посмотреть какую-нибудь книжку про компьютеры или пойти на бульвар, посидеть на своей лавке. В это время троллейбус выехал на перекресток, и мы потеряли его из виду.